Меск. новости. - 1995. - 26 февр. - Букета. - С. 18

Мальвина выросла

МУЗЫКА

Шесть лет назад Полина Осетинская была самым известным вундеркиндом в стране.

Очаровательная малютка в розовом платье с оборочками не сходила с экранов телевизоров, умиляя публику вдохновенной легкостью, с которой исполнялись сложнейшие произведения фортепианной классики. Казалось, девочка живет одной лишь музыкой. Искренность, которую Полина вкладывала в выступления, с лихвой искупала непрофессионализм («Она же ноты пропускает!» — негодовал один всемирно известный музыкант). Девочка играла почти на слух, по-своему «дополняя» и «редактируя» классические сочинения. Рядом с юным дарованием всегда видели ее отца, Олега Осетинского, заявлявшего, что им создана целая система музыкального воспитания талантливых детей.

Вдруг имя Полины Осетинской исчезло с афиш, чтобы вновь появиться спустя несколько лет. Вундеркинд превратился в красивую 19-летнюю девушку, студентку Санкт-Петербургской консерватории, успешно гастролирующую по всему миру. Два компакт-диска, записанных ею недавно, скоро выйдут в Японии.

— Что же произошло шесть лет назад и куда вы пропали?

— Я решила начать новую жизнь.

— Довольно неожиданное решение для 12-летней девочки.

— Да. Все тогда считали, что девочка страшно избалована прессой и телевидением, рекламой, бесконечными концертами в хороших залах. Но я в конце концов сама поняла, что должна что-то сделать, чтобы не пойти по пятам всех вундеркиндов, которые в детстве становятся страшно знаменитыми, а потом их имена пропадают. Эксплуатация вундеркиндов вне зависимости от таланта была и будет всегда.

— Что вы вкладываете в это понятие?

— Это бесконечное извращение психики и большая физическая нагрузка. Я помню, как месяцами играла по четыре концерта в день, не сходя со стула. В 12 лет у меня было 12 хронических заболеваний, и я была на грани нервного срыва.

Наступает момент, когда ребенку стоит перестать активно концерттировать, если он хочет в дальнейшем стать серьезным музыкантом. И я уехала из Москвы...

— Просто сели на поезд и уехали?

— Да. У меня было много друзей в Ленинграде, и они взяли мою судьбу в свои руки, помогли мне поступить в ленинградскую музыкальную десятилетку к замечательному педагогу Марине Вольф.

— Что она сказала, когда впервые вас увидела?

— Меня посадили на стул, и в течение полтора часов она мне высказывала, что обо мне думает: что я человек со способностями, но абсолютно испорченный и с самого начала обученный неверно. Она считала, что я наверняка развращена, избалована славой, деньгами. На это я кивнула: «Вы совершенно правы, но единственное, чего я хочу, это научиться тому, чего я до сих пор не умела». Она была очень удивлена, но взяла меня. Первые два года были безумно сложными — не было ничего, что давало бы хоть какой-то результат.

Потом был мой первый после долгого перерыва концерт в Большом зале филармонии Санкт-Петербурга, я играла Моцарта. Насколько сейчас понимаю, это было довольно жалкое зрелище. Я только и думала о том, какую педаль взять, — мне было не до музыки.

— Кто пришел на ваш первый концерт — старые поклонники, любопытные или совсем незнакомые люди?

— Пришли мамы с дочками, бабушки с внуками, которые хотели показать меня и вывести мораль: «Вот помнишь, мы тебе показывали эту девочку в телевизоре? Ты будешь так же играть». А на сцену вышла совсем уже не девочка, а какая-то тетка... Публика была несколько разочарована. Сейчас я ее хорошо понимаю.

В принципе любой ребенок, выходящий на сцену, обречен на успех. Умиление публики не поддается никакому логическому анализу.

— Почему за редкими исключениями даже

необычайно одаренные дети не становятся в дальнейшем выдающимися музыкантами?

— Мне кажется, родителей подводит чувство меры. Они хотят сорвать все возможное, пока их дети еще способны вызывать восторг зала. Ребенок должен, конечно, играть на сцене. Но если это превращается в конвейер: ты не работаешь, а лишь выступаешь, то не учишься главному — профессионализму и концентрации. Я даже сейчас, когда играю череду концертов подряд, чувствую, что что-то уходит. Постоянно гастролировать довольно сложно.

— Как вы сейчас живете?

— Я отказалась от роскоши, которая всю жизнь меня окружала. Год мыкалась по коммуналкам, потом поселилась в общежитии, пока наконец своим трудом не обеспечила себе возможность снимать квартиру и жить нормально. Мама, конечно, тогда поехала за мной в Петербург, но она с трудом переносит его климат. Она уехала обратно в Москву, и я с 13 лет живу одна.

— Вас это одиночество угнетает?

— Нет. Во мне выработалась самостоятельность. Я за многое благодарна своей прошлой жизни — я узнала, чего хочу. Для меня мое существование абсолютно естественно и нормально. Я этому рада.

— Ваша «вторая» карьера складывается довольно успешно. Кто ваши слушатели?

— Конечно, много тех, кто помнит имя. Это люди, которые смогли в себе переломить комплекс восприятия чудо-девочки. Частично это новые слушатели. Кстати, я больше выступаю за рубежом, где никто меня в оборочках не помнит и скидки на это не делает. Сейчас я готовлюсь к очень серьезному конкурсу — не скажу, к какому.

— У вас много врагов?

— Думаю, да. Может быть, они не простили мне того, что я предала себя — ту, какой была раньше. Регулярно все эти годы появляются статьи на тему «Павлик Морозов жив»: что я растеряла все достоинства, которые у меня были в детстве, ничего не приобретя взамен. Мне это слышать смешно: у каждого ребенка есть искренность и чистота, но он не может так играть всегда. Должно прийти что-то другое.

— Карьера музыканта сейчас не самый легкий хлеб...

— Я за богатством не гонюсь. Я хочу делать только то, что мне нравится, и делать это лучше других. Я очень честолюбива.

— Насколько я знаю, вы не единственный музыкант с фамилией Осетинская. Времени появились девушки-пианистки, выступающие под этим именем. Это ваши родственницы?

— Нет, конечно. Одна — Катя Леденева, с которой мы учились в ЦМШ с первого класса, были лучшими подругами. Впоследствии она, видимо, связалась с мужской частью нашей семьи и начала концертную деятельность под моей фамилией, рассчитывая, что на нее быстрее пойдут. Я ничего не стала по этому поводу предпринимать, хотя меня завалили вопросами, сколько у меня сестер и все ли они пианистки. На что я отвечаю, что сестер у меня две: одна журналистка, другая менеджер по продаже недвижимости. Последнее время довольно активно концерттируют под этой фамилией Вероника и Светлана Айнагуловы.

— Вам это мешает?

— Более того. У меня возникли проблемы с репутацией: вдруг я узнаю, что они срывают концерты, требуют безумные гонорары, да и исполнение часто не вызывает восторга. Думая, что одна из этих девушек я, люди вправе недоумевать: что же тогда было десять лет назад? Я хотела бы объяснить всем любителям музыки, тем, кто помнит меня, что эти исполнители не имеют ко мне и моей семье никакого отношения.

— Может, где-нибудь в Германии вы были бы единственной Осетинской и ваши трудности разрешились бы сами собой?

— Я не хочу уезжать по двум причинам. Во-первых, бывая за рубежом, я знаю, что очень хорошо там относятся к музыкантам, когда они приезжают на гастроли. Когда они остаются, интерес к ним резко падает. Я знаю немало тому примеров. Вторая причина: я не хочу жить за границей. Мне там тяжело.

— Великих женщин-пианистов крайне мало. По уровню осмысления музыки и даже по выносливости мужчины здесь лидируют. Вы считаете, что сможете вырваться в первые ряды наравне с мужчинами?

— Я никогда не смирюсь с таким разделением. Или мне придется переделаться в мужчину. Я не собираюсь ни с кем соперничать, но уверена, что мое восприятие мира и музыки ни в чем не уступает мужскому.

Елена ВЕСЕЛАЯ